добродетели своего земляка.[15] По словам Денбовцева, он «с самого малолетства не имел никаких сродственников, благодетелей и покровителей, часто старался искать милости моими в учености трудами у таких особ, которые богатством были изобильны, и кои могли весьма свободно снабдить меня в бедном состоянии», поскольку «все по свойству влиянному человеку от натуры обязаны друг другу взаимное спомоществование делать». О последующих литературных опытах Денбовцева нам ничего не известно — очевидно, «Епистола» несколько поправила его положение: «Мамонов мне тогда блаженство даровал, Когда под бременем я бедности стенал, Ничто не повредит души моей покою, Когда сень крыл твоих прострется надо мною».

Биографические сведения о Михаиле Угрюмове еще более скудны. В 1773 г. он был учеником гимназии при Московском университете; из произведений его известна только «Ода». Версификаторские способности юного Угрюмова были по достоинству оценены Дмитриевым-Мамоновым: «С усердьем чтусь я почитати, Тебя, пока могу дыхати, Ничем отвержен никогда». Обращенные к всевышнему владыке слова из «Преложения псалма 145» Ломоносова в корявой обработке Угрюмова были отнесены к «дворянину-философу», облик которого в сознании юного поэта превосходил все известные ему понятия: «И рим с тобой в сравнении мал!» Данный в «Оде» обобщенный портрет до мельчайших подробностей подвергся самому скрупулезному рассмотрению в последнем по времени написания произведении — «Панегирике» В. И. Соловья. Сохранившиеся сведения о священнике Василии Ивановиче Соловье позволяют опровергнуть сомнения, которые вызывал сам факт его существования.[16] Документы Московской Синодальной конторы с достаточной полнотой освещают появление Соловья в столице. Во время эпидемии чумы 7.X 1771 г. скончался И. Дементиев — священник церкви Похвалы пресвятыя Богородицы, что в Башмакове (она находилась в Белом городе на Волхонке близ Каменного моста). Для сохранности церкви при входе в нее была поставлена полицейская будка, но и эта мера оказалась бесполезною за почти немедленной смертью будочника. По данным синодской ведомости, к концу 1771 г. из прихожан ее в живых остались всего 5 человек, а причта не осталось вовсе, в связи с чем 26.10 1771 г. она была запечатана. 23.11 1773 г. на место Дементиева был приглашен из Переславля-Рязанского священник Николаевской в Ямском церкви Василий Иванов; Синодальная контора обязала его заплатить вдове своего предшественника «за дворовое и хоромное священническое строение» 177 рублей: в первый раз 50 рублей, а остальное — по 25 рублей в год; Иванов был предупрежден, что в случае отказа от платежа он будет немедленно отослан назад в Рязанскую епархию.[17] К оценке строений Синодальная контора подошла с достаточной объективностью: строение было куплено в 1762 г. Дементиевым за 300 руб.; «за выжитые по день смерти годы, по указу Святейшего Синода, вычтено, считая на каждый год, по 10 рублей, на месяц — по 83 коп., на день — по $2^1/_2$ коп. и строение осталось в 197 руб. $89^3/_4$ коп.; кроме того, вычтено за погоревшее в 1772 году 20 руб. $89^3/_4$ коп.».[18]

Следует сказать несколько слов о самом здании церкви и о приходе. Местность, где она была расположена, до конца XVII в. называлась Чертольем. В 1565 г. Чертолье отошло в опричнину и было занято дворами

---

[15] Принадлежавший к числу достаточно знатных польских дворянских родов в России род Дембовских был внесен в VI часть родословной книги Смоленской губернии, где были расположены богатейшие поместья Дмитриева-Мамонова.

[16] Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 1, с. 429.

[17] *Скворцов П. А.* Архив Московской Св. Синода конторы: Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. М., 1914, вып. 2, с. 499, 606, 610, 623.

[18] Там же, с. 499.